

Личность и труды Сергея Михайловича Третьякова в документальных материалах РГАЛИ

Имя Павла Михайловича Третьякова известно не только в России, в мировом музейном пространстве, но значимо во всей мировой культуре. Павел Третьяков – это целая эпоха, которая, если говорить правильно, никогда не кончится, пока будет наша цивилизация. Он – наш «вечный со-временно́ник».

Однако его младший и любимый брат – Сергей, который был не просто горячим приверженцем идеи создания общедоступной национальной картинной галереи, но и полноправным ее организатором, ныне малоизвестен, хотя современники высоко и равно ценили труды обоих братьев.

Уже в XXI в. вышло несколько книг и статей о Сергее Михайловиче, его целожизненный подвиг, а по-другому о его деятельности на благо нашей культуры и не скажешь, почти не знаком для большинства.

Получилось так, не в последнюю очередь, и потому, что личного фонда Сергей Михайловича не сложилось и не сохранилось. Его документы «растворились» в личном фонде брата в рукописном отделе Третьяковской галереи, частично присутствуют в материалах фондов тех учреждений, где Сергей оставил частицу своего горячего сердца и неутомимой энергии.

Крайне мало документов самого С.М. Третьякова, прямо или косвенно относящихся к нему, есть в некоторых фондах РГАЛИ, – архива, который был организован в марте 1941 г. и первоначально назывался ЦГЛА – Центральный государственный литературный архив. Его главной миссией сразу же стало хранение документов учреждений культуры и личных фондов деятелей различных видов искусств.

Документы, связанные с С.М. Третьяковым, есть в следующих фондах РГАЛИ: семейный фонд Срезневских (ф. 436), «Городская художественная галерея П.М. и С.М. Третьяковых (Москва, 1892-1918)» (ф. 646), семейный фонд братьев Танеевых (ф. 880), личные фонды Павла Михайловича Третьякова (ф. 887), Николая Петровича Трубецкого (ф. 889), Федора Викторовича Кельина (ф. 2555) и некоторых других.

Семейство Третьяковых – замоскворецкие купцы с Якиманки, с Бабьего городка, который в народе называли также и Голутвиным. Якиманская часть Замоскворечья на начало 1830-х гг. – это 230 каменных и 249 деревянных домов, 11.478 жителей. Но в самом конце XVIII в., когда здесь обосновался малоярославецкий купец Захарий Елисеевич Третьяков – дед будущих меценатов и коллекционеров, народу и домов было меньше.

О том времени и событиях, связанных с семей Третьяковых, свидетельствует купчая крепость на землю под их дом, которая хранится в РГАЛИ. Именно здесь, в Якиманской части, у талантливого и делового купца

Михаила Третьякова и его супруги, купеческой дочери Александры Даниловны, 15 декабря 1832 г. родился первенец – Павел, а 19 января 1834 г. – Сергей, то есть братья были почти погодки. Затем родилось еще 7 деток, хотя мать семейства говорила, что всего детей было 11. Эпидемия скарлатины 1848 г. сразу унесла жизни четверых детей купца из девяти, причем гробики троих из них, младенцев-погодков, стояли в доме одновременно. Эта трагедия отразилась на здоровье отца семейства. Михаил Захарович вскоре ушел вслед за своими детьми.

Так 17-летний Павел, которому через три недели исполнилось 18 лет, и 16-летний Сергей, с детства приученные работать в лавках и магазинах отца, остались главными управителями огромного дела. Но весь контроль за работой поручался по завещанию отца Александре Даниловне, а равно и право изменить распределение долей. Историки и искусствоведы всегда обращали внимание на сплоченность, дружность и взаимоуважение, царившие в семье Третьяковых; в еще большей степени это было свойственно двум старшим братьям.

После кончины отца семейства в 1851 г. Третьяковы обосновались в новом доме в Лаврушинском переулке, откуда затем и пошла «Третьяковка».

На попечении братьев осталось немалое торговое дело, которое вскоре вступило в новый этап: 1 января 1860 г. открылся торговый дом «Павел и Сергей, братья Третьяковы, и Владимир Коншин» – одно из украшений современной Москвы, на углу Ильинки и Биржевой площади, а рядом с ним расположился «Магазин полотняных, бумажных и шерстяных товаров русских и заграничных», также принадлежавший купцам, которые к тому времени перешли в 1-ю гильдию и, значит, получили право торговать с заграницей. С 1866 г. начала работать льнопрядильная фабрика в Костроме, акции семьи Третьяковых работали также в целом ряде крупных российских предприятий, железных дорог, банков, в том числе Московского купеческого.

Тогда же в новый этап вступила и их благотворительная деятельность, которая стала как бы второй их «работой», а по существу, – первой. При этом коллекционирование занимало приоритетные позиции, особенно после заграничной поездки братьев 1860 г. и осознания необходимости для Москвы иметь общедоступную художественную галерею. Тогда же родился и лозунг Павла Третьякова – коллекционировать русских художников, покупая у них самих. Чтобы не конкурировать с братом, Сергей Михайлович все чаще присматривался к западноевропейской современной живописи, хотя его покупки и не носили систематического и строго тематического направления. Большую роль здесь сыграло близкое знакомство С.М. Третьякова с известным художником А.П. Боголюбовым.

Сложного сказать, как могла бы сложиться жизнь Сергея Михайловича, не случилось в его жизни тяжелой утраты. Совершенно молодой родами второго ребенка умирает его горячо любимая супруга. Вскоре после этого он становится заметной фигурой в Москве и включается в общественную деятельность, которая отчасти отражена в материалах РГАЛИ.

В 1863 г., в соответствии с новыми реформами и Положением о городской думе, его избирают гласным Московской городской думы; одновременно он становится старшиной московского купечества.

Давняя, еще с голутвинского детства, дружба с Антоном и Николаем Рубинштейнами привела к тому, что в 1868 г. Сергей Михайлович вошел в состав директоров Московского отделения Русского Императорского музыкального общества, существовавшего с 1859 г. Это сотрудничество свело его с С.И. Танеевым, переписка с которых отчасти сохранилась в фондах РГАЛИ. Так, в 1885 г. он пишет письмо Танееву, где просит его прослушать талантливую уроженку Харькова, ученицу Полины Виардо – Селину Юльевну Мотте, которая впоследствии стала известна и как педагог в Харьковском музыкальном училище. В другом письме, 1889 г., он выражает композитору, потерявшему мать, свое сочувствие и одновременно сетует на собственные «невеселые» обстоятельства, проблемы со здоровьем у второй супруги.

С 1869 г. Сергей Михайлович официально являлся членом Славянского комитета, но фактически участвовать в его работе начал раньше. Известно, что торжественная встреча участников Крымской войны в Москве была организована при его деятельном участии. В сохранившемся в РГАЛИ отчете Комитета за 1869 г. идет речь о поддержке учебы целого ряда уроженцев славянских государств, в том числе – трех стипендиатов Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Но, конечно, кульминацией трудов С.М. Третьякова стала его работа на посту городского головы с 1877 г. по 1881 г. Именно на эти годы пришлась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., когда председатель Московской городской думы способствовал началу благотворительных сборов «на нужды воинов». Также за эти годы существенно выросли расходы на городские образовательные учреждения – с 230.000 до 375.000 рублей год, что было значительной суммой. В четырех больницах Москвы стали оказывать бесплатную акушерскую помощь. Сокольничья роща и примыкающее к ней Ширяево поле – часть нынешних «зеленых легких» Москвы – были включены в состав города, а значит, защищены от вырубки (но не полностью). Благодаря стараниям С.М. Третьякова были инициированы работы по формированию Бульварного кольца и созданы новые участки – на Девичьем поле, у Самотеки, у храма Христа Спасителя.

С 1882 г., выйдя в отставку, Сергей Михайлович занимался только меценатством, в том числе, покупая картины зарубежных художников, и работой в многочисленных семейных предприятиях.

Неожиданную точку в этой деятельности поставила его внезапная и безвременная кончина – на 59 году жизни на пути в Петергоф. Павел Михайлович с болью воспринял этот удар судьбы. Только тогда он понял, что, заказывая известным художникам портреты своих современников, портрета родного брата у него в галерее нет. Так появилась мысль заказать посмертное изображение брата В.А. Серову. Работа была начала в 1893 г. и завершена в 1895.

В РГАЛИ хранится копия духовного завещания Сергея Михайловича, которое было оглашено 15 сентября 1892 г.: «... по Указу Его Императорского величества, Московский окружной суд, по 4–му отделению, в публичном заседании ... слушал дело об утверждении и исполнении домашнего духовного завещания Действительного статского советника Сергея Михайловича Третьякова и заключение Товарища Прокурора В.А. Телесницкого. 31 августа 1892 года представлено в Окружной суд ... духовное завещание ... писанное им собственноручно на простой бумаге, со сделанными карандашом в самом тексте поправками и приписками следующего содержания ...».

Суть завещания заключалась в том, что сразу же после кончины С.М. Третьякова (который не предполагал, что уйдет из жизни раньше брата) его половина дома в Лаврушинском переулке вместе со всеми картинами, рисунками, гравюрами, скульптурой становится общедоступным музеем. Но поскольку второй половиной владел брат, то Павел Михайлович принимает благородное решение – при жизни отдать и свою половину дома Московской городской думе для организации общедоступной художественной галереи.

В РГАЛИ хранится не только машинописная копия этого завещания, но также и копия описей того, что предполагалось передать в ведение Мосгордумы накануне кончины Сергея Михайловича – в мае 1891 года. Это описание комнат: в какой, сколько и каких предметов искусства размещено; там же прописывались и суммы.

Итак, почти за год до ухода Сергея Михайловича в их доме, которым они владели совместно с братом, имелось 470 рисунков на 34.684 руб., 1276 картин на 858.625 руб., 9 скульптур почти на 15.000 руб. Таким образом, приблизительная – не аукционная – стоимость коллекции была около 1 млн руб. Сколько стоил рубль конца XIX века в сопоставлении с современным, – говорить не надо. Это была огромная сумма.

После передачи коллекции в дар городу вплоть до конца своей жизни Павел Михайлович Третьяков ежегодно отчитывался перед Московской городской думой о том, как пополняется созданная им с братом художественная галерея – за какие средства и что было приобретено, что было пожертвовано.

И, думается, что чистота помыслов, с какой братья организовывали это великое дело, стала залогом того, что их дело – наша Третьяковка – живет уже второе столетие и, думается, так будет всегда.